

Зайцева Снежана

г.о.г. Арзамас, МБОУ «СШ № 1 им. М. Горького с углублённым изучением английского языка», 9 класс

Рецензия на спектакль Римаса Туминаса «Маскарад», Театр им.

Евг.Вахтангова

**«СТУПАЙТЕ В ТЕАТР, ЖИВИТЕ И УМРИТЕ В НЁМ,
ЕСЛИ СМОЖЕТЕ...» (В. Г. Белинский)**

За что мы любим театр? Почему мы туда идём опять и опять? В чём заключены его «чары, обаяние и обольщение»? Ведь сегодня достаточно иметь телефон с выходом в интернет, дающий возможность посмотреть любой фильм или спектакль. Причём в глазах человека, не приобщённого к театральному искусству, спектакль будет явно проигрывать какому-нибудь блокбастеру, начинённому всевозможными спецэффектами. Впрочем, блокбастер вскоре будет вытеснен в нашем сознании другим, более «крутым» кинобестселлером. А вот любимый спектакль останется в памяти навсегда. И мы идём в театр опять и опять, вдыхаем пыльный воздух бархатных кулис, с задних мест в театральные бинокль пытаемся рассмотреть лица актёров на далёкой сцене. А если нет билетов на любимый спектакль или интересную премьеру, то мы готовы довольствоваться приставными стульями или даже ступеньками. В своё время над чарами театра и игры актёра задумывался шекспировский Гамлет, выражая в своём монологе «Не страшно ль, что актёр проезжий это ...» отношение к театральному искусству современников шекспировской эпохи. Это отношение сегодня у любителей театра мало в чём разнится с позицией Гамлета. Вот и для меня каждая театральная премьера – неожиданная «фантазия для сочинённых чувств» (Шекспир) – является новой страницей в открытии мира и человека. И здорово, если это театральное событие оказывается ярким и художественно впечатляющим. Правда, на этот раз

премьера* спектакля Римаса Туминаса «Маскарад» для меня состоялась только в 2024 году... (*премьера на сцене театра Ев. Вахтангова 21 января 2010 г.)

Спектакль Туминаса необыкновенной красоты. Художник-сценограф Адамас Яцовскис так и сказал, что перед ним стояла задача сделать маскарад «нереально красивым». Основные цвета этого «Маскарада» – чёрный и белый, цвета Добра и Зла. На открытой сцене не то Летний сад зимой, где на ампирном постаменте стоит полуобнажённая Афродита, которую забыли закрыть от снегопада, не то кладбище с возвышающимися надгробьями.

В спектакле Туминаса много гротесковой образности, демонстрирующей по замыслу режиссёра «вывернутый мир наизнанку, кишки жизни». Постамент, смахивающий на надгробье, легко превращается в прогулочные санки, на которых весело несутся дамы с кавалерами. Игроки, согласно лермонтовской драме, представители света, напоминают шаромыжников. Прекрасная хрустальная люстра со скоростью снаряда вдруг пролетает над маскарадной толпой, чтобы взорваться с грохотом и дымом где-то там, за кулисами. На сцене периодически возникает толпа «всякого люду». Собирательный образ света? Но среди этой толпы затесалась баба с ведром самого что ни на есть простонародного вида. Из проруби, находящейся на авансцене, на пике сценического действия выныривает аквалангист, явно заблудившийся в пространстве и во времени, и, очумело взглянув на происходящую на сцене вакханалию, ныряет обратно в прорубь.

Туминас создал для своего «Маскарада» собственного героя и наделил его статусом одного из главных персонажей. Это Человек-Зима – то ли фиглярствующий шут, то ли юродивый в наполеоновской треуголке. По ходу сценического действия ему присваиваются также роли слуги Арбенина и нарочного чиновника, явившегося с поручением из департамента к

баронессе Штраль. Но главная его роль – Человек-Зима (Виктор Добронравов).

Спектакль начинается пантомимой этого персонажа, заставляющей вспомнить лицедеев Вячеслава Полунина. Вот Человек-Зима направляется к проруби и, воркуя над ней, вызывает из её глубин огромную рыбу – то ли это сказочная щука, исполняющая желания, то ли антично-ренессансная метафора образа Фортуны, выуживающей из «моря житейского» людей, словно рыб. Во всяком случае, функциями «демиурга», творящего мир и людей, в пределах сценических событий «Маскарада» Человек-Зима явно наделен. Так, после «переговоров» с Рыбой он начинает катать маленький снежок. Когда снежок достигает размера головы человека, Человек-Зима рисует на нем рожицу, водружает свою наполеоновскую треуголку и подносит «снежного человечка» к статуе Афродиты, стоящей на ампирном постаменте. И вот уже снеговичок в треуголке на каком-то тарабарском языке с французским оттенком что-то бойко говорит прекрасной статуе, а потом целует её. Предыстория Арбенина и Нины...

Спектакль Туминаса наполнен музыкой, и эта музыка тоже «говорящая». Знаменитый вальс Хачатуряна является здесь одним из главных героев. Он задаёт ритм сценического действия, является его мелодическим рисунком, аккумулирует кипящие на сцене страсти, закручивает снежную метель. Перед открытием занавеса звучит музыка к романсу «Гори, гори моя звезда», воспринимающаяся как символ России. Пантомима Человека-Зимы с рыбой и снежком разворачивается на фоне стеклисто-морозной, стылой, мертвенной музыки, которая потом ещё не раз будет возникать по ходу действия, заменяя собой пронизывающий всё и вся хачатуряновский вальс. Сам вальс начинает медленно звучать после «поцелуя» снеговика, постепенно набирая темп и первый раз взвихриваясь в сцене с игроками: вот и пошла «рассказываться» сама история.

Что же собой представляет Арбенин, появившийся из снежка? Евгений Князев – очень красивый, «фактурный» Арбенин. С орлиным

профилем, выразительной лепкой лица, «кудрями чёрными до плеч», статной фигурой, мощным, исполненным многочисленных модуляций голосом. Кажется, вот он, трагический герой, резко противопоставленный «толпе». Только «толпа» у Туминаса не тянет даже на светскую «чернь», она больше напоминает шпану. Даже Незнакомый (Юрий Шлыков) здесь предельно снижен. Весь спектакль – он часть этой жалкой толпы. С такими персонажами в какую-то серьезную конфронтацию даже вступать зазорно, остаётся только насмешливо наблюдать. Что и делает Арбенин-Князев.

Его решение отыграть долг Звездича продиктовано не стремлением помочь молодому, запутавшемуся человеку, готовому утопиться прямо здесь, в проруби, а желанием «кровь привести в волнение», еще раз испытать судьбу. Его монолог-проповедь князю, включающий историю его «падения» за карточным столом, звучит насмешливо, почти издевательски. Оставив игру и прежних приятелей-игроков, Арбенин Князева остается игроком по сути.

С темой игры у Туминаса связана не только тема жизни («жизнь как бесконечная игра»), но и тема смерти. Проигрыш здесь чреват смертью, реально явленной на сцене в гротесково-шутливой форме. Выигрыш Арбенина оборачивается смертью от удара одного из игроков, который падает и окаменеет прямо с картой в протянутой руке. А сам Арбенин, насмешливо глядя на труп, зовет Звездича «развешаться в маскарад». Потом, на протяжении всего сценического действия, этот замороженный труп игрока с протянутой картой будет возникать раз за разом. То он будет вываливаться из растущего снежного кома-снежка и водружаться на середину сцены во время маскарада, то будет падать на опозоренного князя после карточного поединка с Арбениным, то толпа игроков будет его, бывшего своего собрата, с азартом топить в проруби, а он всё будет всплывать и всплывать из неё, как гигантский рыболовный поплавок. Пока, наконец, к нему на шею не привяжут статую Афродиты, которая его увлечёт за собой на дно реки.

Любит ли ТАКОЙ Арбенин свою Нину (Мария Волкова)? Безусловно, любит. Любовью собственника. В первой домашней сцене Нина напоминает игривого, шаловливого котёнка, что ластится к своему хозяину. В любовном же монологе Арбенина звучит интонация владельца, слышится уверенность в своем полном праве на возлюбленную. Уже в этой сцене в образе Арбенина проскальзывает что-то вампирическое, страшное. Признаваясь своей жене в любви, он легонько сжимает её горло, а в модуляциях его голоса слышится предостережение. Когда же он замечает отсутствие браслета, он превращается в разъярённого льва. Пинает ногами слугу, отправляя его искать браслет в карете, а потом в яростном вальсе кружит Нину, держа её за шею.

Нина – единственный персонаж спектакля, имеющий светлый силуэт, отчетливо выделяющийся на фоне бесконечно длящейся чёрной, бездонной ночи, чёрных фигур игроков, баронессы Штраль и Арбенина. Её светлое платье цвета слоновой кости перекликается с цветом античной статуи Афродиты. По сцене Нина скользит на пуантах. В моменты душевного волнения, сопровождаемого вихрем вальса и снежной метели, она кружится и летит по сцене, как снег. Балетность движений придает героине невесомость, нездешность, «слиянность» с воздушной «материей» вальса и летящего снега.

Туминас существенно сократил текст «Маскарада», расширив свой сценический текст за счет многочисленных пантомим. Например, он убрал эпизод в сцене маскарада, где Нина в маске теряет свой браслет, и он оказывается в руках у баронессы Штраль. До нескольких фраз сжал режиссер и развёрнутый диалог Казарина и Шприха во второй сцене II действия, происходящей в кабинете Арбенина. Дальнейший разговор Арбенина с Казариным выстроен как диалог героя с собственным двойником, возвращающим Арбенина в лоно порока и настраивающим на страшную месть. Финальные слова Арбенина – «Прочь, добродетель: я тебя не знаю, Я был обманут и тобой, И краткий наш союз отныне разрываю –

Прощай, прощай!..», сопровождающиеся багровой подсветкой сцены, звучат так, что у зрителя создаётся впечатление возвращения Арбенина к своей истинной, исконной сути. Преграда между Добром и Злом разрушена. В интонациях Арбенина слышатся не демонические интонации личности, мстящей всему миру за его несовершенство, но интонации обманутого игрока, полные ярости, цинизма и жесткого расчёта.

Туминас существенно переоформил финал, сократив его, сместив акценты и закольцевав его на начало рассказанной им истории. Смерть Нины показана как восхождение её на пьедестал, на котором стояла утопленная игроками статуя Афродиты. Здесь, на постаменте, героиня окаменеваает, сложив руки на груди, как складывала их знаменитая итальянская балерина 1830-1840-х гг. Мария Тальони в роли Амины в балете «Сомнамбула». На лице у неё застывает отстранённая улыбка античной статуи. Кладбищенская ограда вокруг памятника Нины, доставленная на сцену толпой светских зевак, становится в постановке Туминаса местом последнего арбенинского монолога «Смерть! смерть! о, это слово здесь...». Здесь, за кладбищенской оградкой, как за кафедрой, Арбенин, водрузив себе на голову то ли пеньковый парик судьи, то ли драный треух, пытаясь в варежках отогреть замерзающие руки, произносит свою последнюю, обличительную речь, завершающуюся словами: «Да, я был страстный муж – но был судья Холодный – кто же разуверить Меня осмелится?».

И вот только тогда от общей толпы отделяется Неизвестный и произносит свой монолог о «злом семени», которое «произвело достойный плод». В этой речи Неизвестного нет никакого демонического подтекста, а только злая обида и мелкая месть проигравшегося в пух и прах человека, которого общество выкинуло из своих рядов. На заднем фоне на сцену торжественно и печально вступает князь Звездич, собравшийся ехать на Кавказ кровью смывать позор, нанесённый ему Арбениным (слуга вслед за ним тащит огромные чемоданы). Он нисколько не жаждет сатисфакции, а

просто отдаёт Арбенину письмо баронессы Штраль о невинности Нины. Арбенин, читая письмо, выходит из-за оградки, падает в отчаянии на землю, а Человек-Зима накатывает на него огромный снежный шар, который рос из снежка на протяжении всего сценического действия и из которого «родился» сам Арбенин. Выкатываясь за кулисы, снежный шар поглощает Арбенина, исчезающего в нём без следа.

На сцене никого нет. Звучит вальс. Появляется Человек-Зима. Он радуется новой статуе и начинает катать новый снежок, из которого опять формирует голову снеговика. Человек-Зима подносит нового снеговика к статуе Нины, изображая поцелуй. В этот момент баба с ведром подходит к проруби, черпает воду и идёт вглубь сцены. Начинается новая история...

«Весь мир – театр, и люди в нём актёры...»